

ПОДГОТОВКА И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОГО СОСТАВА МОГИЛЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ ВРЕМЕН СВЯТИТЕЛЯ ГЕОРГИЯ (КОНИССКОГО)

*Иерей Виталий Наумчик
(Минск, Минская духовная академия)*

История жизни и деятельности преподавателей Могилевской духовной семинарии (далее МогДС) тесно связана с изучением их образовательного уровня, профессиональной подготовки и обретение ими духовно-морально-нравственного опыта. Чтобы детально изучить уровень подготовки преподавателей для начала необходимо обратиться к источникам о государственных мерах по отношению к преподавателям духовных семинарий, а также выявить, что послужило основой формирования педагогических кадров в исследуемый период.

На государственном уровне вопрос о специальной подготовке преподавательского состава духовных школ подымался еще в годы царствования императрицы Екатерины II, когда в Инструкции Комиссии церковных имений она признала обучение в семинариях «неудовлетворительным», а учителей их – «неискусными» [17, с. 67]. В связи чем, Екатерина II постановила в 1765 г. отправлять за границу 16 лучших выпускников семинарий (6 – в Оксфорд, по 5 – в Лейден и Геттинген) для изучения богословия и подготовки к преподаванию в духовных школах [18, с.397]. К сожалению, воспитанники интересующей нас семинарии в их число не входили.

До середины XVIII века преподаватели приглашались в духовные школы только местной церковной властью, то есть правящим архиереем. По этой причине, основанная заботами преосвященного Георгия (Конисского) МогДС долгое время в своем управлении подчинялась, прежде всего, самому архиерею. В семинарии он был полным хозяином, и дела устройства школы вел исключительно по собственному усмотрению: «Он открывал и закрывал классы, назначал и увольнял учителей, заботился о содержании бедных учеников, платил жалованье служащим при семинарии, руководил ходом самого преподавания, выписывал учебники, одним словом, не было ни одного шага, ни одной черты в семинарской жизни, которая бы не была

подчинена его власти» [14, с. 444; 2, с. 1]. Только с образованием Комитета духовных училищ, власть архиереев начала терять свое первоначальное значение, но до реформы 1814 г. МогДС по-прежнему находилось в полной зависимости от правящего епископа [14, с. 445; 9, с. 322]. С другой стороны, со второй половины XVIII столетия немаловажную роль в «приискании» преподавательского состава стала играть не только местная епархиальная власть, но и новообразованные специальные учебные заведения, готовящие кандидатов на учительство. Среди них: Московская духовная академия, Троицкая семинария, некоторые Южнорусские духовные школы, Харьковский коллегиум и Киевская духовная академия [15, с. 35].

Показателен тот факт, что со времен открытия МогДС и до конца XVIII века она во всем примыкала к духовно-учебным заведениям Киево-Могилянского типа. Это сказывалось, прежде всего, на внутренней жизни семинарии. Классы в ней были такие же, как и в Киевской духовной академии, а учителя из Киева образовывали основу педагогического состава. Несмотря даже на то, что когда в 1798 году, по указу Св. Синода от 31 октября, МогДС была причислена к Петербургскому округу, эта перемена внешнего административного положения нисколько не изменила сущности дела [14, с. 443]. Яркий пример тому тот факт, что со времен открытия в 1757 г. МогДС святителем Георгием (Конисским) первыми ее учителями являлись приглашенные владыкой выпускники Киевской духовной академии: Виктор Садковский, Дмитрий Чугаевич и Иван Маркевич [1, с. 403]. А вот каким образом работала новообразованная семинария и как набирались ученики, неизвестно. Известно только, что изначально открыты были пять низших классов до поэзии включительно, с которыми и оставалась семинария до 1766 года [10, с. 331].

О том, что численность, как преподавателей, так и учеников в рассматриваемый период была невелика, свидетельствует и сам преосвященный Георгий. В своих письмах он пишет, что «бедственное положение Белорусской епархии тяжело отражалось на состоянии семинарии. Недостаток средств (всего 400 руб. годового оклада) и учителей, отсутствие специального помещения и особенно частые нападения местных иезуитов и их воспитанников наносили большой ущерб общему состоянию семинарии и парализовали ее нормальную работу. Доходило до того, что духовенство, опасаясь за жизнь своих детей, всячески избегало отдавать их в семинарию» [1, с. 404]. Владыке Георгию приходилось даже прибегать к различного рода поощрениям для духовенства, чтобы те отдавали своих детей учиться. Так, он переводил священников из бедного на более обеспеченный приход для того, чтобы дать им возможность выучить детей, такие же приходы он старался выделить и успешно окончившим курс семинарии [12, с. 393]. В результате, трудами святителя Георгия местное

духовенство привыкло к необходимости учить детей, однако до конца ему так и не удалось полностью искоренить безграмотность моголевского духовенства. В начале XIX века встречались и такие священники, которые едва умели читать и писать, пример тому, священник Василий Ольшевский в селе Русанах [13, с. 419]. Были даже такие «любители просвещения», как один приходской священник (в 1770 г.), который хотел найти себе зятя ученого» из семинарии на половину своего прихода» [8, с. 119].

Святитель ревностно заботился об увеличении штата учителей и об открытии новых классов, об этом свидетельствует его доношение от 4 мая 1776 года в Св. Синод, в котором он сообщает следующее: «Наша, напротив, Моголевская семинария, – по причине новости ея, особливо же что двора семинарского часть большая от некоторых претенсеров... до сих пор не могла быть очищена, а потому достаточного как для учителей, так и для учеников строения нет еще, не могла до того прийти, чтоб в оной было учение философии и богословия хотя о том я и стараюсь всемерно...» [1, с. 406]. Отметим также другое его письмо, где видно, что владыка не останавливался в деле просвещения как неграмотного белорусского православного духовенства, так и их детей. Перед Св. Синодом святитель ходатайствовал о том, чтобы в его семинарии «кроме обыкновенных учений языка латинского и на оном красноречии обоего, философии частей нужнейших как то логики, метафизики, физики теоретической и моральной, також богословии, еще заведены были языки еврейский и греческий для основательного богословского учения, також немецкий и французский для гражданства, до с числа дисциплин история церковная и гражданская, география и юриспруденция...» [1, с. 407]. Несмотря на то, что Синод отклонил его просьбу о преобразовании семинарии, в дальнейшем самому Георгию (Конисскому) все же удалось реализовать некоторые свои предложения по этому вопросу. И уже в 1780 г., добившись ассигнования от императрицы Екатерины II на МогДС оклада в 2000 руб. в год, святитель начинал реорганизацию семинарии. В этом же году он открыл в ней новые классы богословских и философских наук, а также ввел преподавание латыни, языков: древнееврейского, греческого и польского. И тогда же преосвященнейший Георгий «вызвал из Киевской духовной академии студентов, – Михаила Богуславского, Ивана Григоровича старшего, Максима Пиючевского, Сампсона Цветковского, Ивана Скальского и Ивана Горбачевского, – и поручил им преподавание в новооткрытых семинарских классах» [1, с. 408-409]. Спустя еще пять лет святитель Георгий (Конисский) построил новый двухэтажный учебный корпус и жилые помещения для учителей и бедных учеников, и это дало возможность окончательно упорядочить учебную часть семинарии и благоустроить быт учащихся [13, с. 411; 11, с. 360]. Приведенные данные

подтверждают сохранившиеся ведомости по семинарии за 1793 г., из которых видно, что в 1793 – 1794 учебном году всех учащихся в семинарии насчитывалось 145 человек [1, с. 413], в них святитель Георгий видел будущих преподавателей МогДС, о чем он и сам свидетельствует: «... учеников хорошаго понятия и хороших успехов не выпускать в разные места гражданские (как до сих пор было) дотоль, поколь семинария наша на степени надлежащей учения утвердится, и учителя были бы конечно из тех же учеников» [1, с. 411].

Таким образом, из приведенных выше данных, мы видим, что если владыка раньше восполнял недостаток учителей за счет студентов Киевской духовной академии, то позже он создает преподавательский состав из числа своих воспитанников МогДС. Об этом свидетельствует и тот факт, что с конца XVIII – начала XIX веков Киев начинает уступать первенство в подготовке педагогических кадров как МогДС, так и многим другим российским духовно-учебным заведениям. Кроме того, владыка посылал лучших выпускников семинарии учиться в Александро-Невскую семинарию, а с 18 декабря 1797 года (момента учреждения духовных академии в Санкт-Петербурге и Казани) отправлял также учиться и в духовные академии. При этом, руководство Святейшего Синода указом от 31 октября 1798 года приказывало всем епархиальным семинариям «для усовершеня в науках присылать... понятнейших из Семинарии учеников в Академии, а равно и Троицкую Лаврскую семинарию...» [цит. по: 15, с. 37]. Так, в 1789 году, на основании указа Святейшего Синода от 27 июля 1788 г. о присылке в Невскую (учительскую) семинарию по два ученика от каждой семинарии «для образования их к учительским должностям» [19, с. 102], святитель отправил учиться Василевского и Околовича [1, с. 414]. К сожалению, первый из них не оправдал возлагаемых на него надежд преосвященным Георгием (Конисским). Проучившись полтора года в императорской столице, по собственному желанию он вернулся в родную ему Могилевскую духовную семинарию, в которой его назначили учителем богословия. Однако не справившись с преподаванием богословия, святитель перевел его в учителя философии. Причем сам святитель свидетельствовал о нем как о «нерадивом и очень неспособном учителе» [1, с. 414]. Перемещение из класса богословия в класс философии подтолкнуло учителя Василевского написать ложный донос на святителя Георгия в Святейший Синод. В результате чего, владыка написал в Синод «Оправдание», на основании которого обвинения Василевского были «признаны неосновательными» и за клевету он был уволен из семинарии и удален из церковного притча [1, с. 414-415]. Второй из отправленных на учительство в Санкт-Петербург Петр Околович с 1790 г. преподавал в семинарии поэзию и риторику [1, с. 415]. Второй раз владыка у министра просвещения Завадского Петра

Васильевича походатайствовал о поступлении в Санкт-Петербургскую учительскую семинарию Ивана Захаржевского и Василия Вежека. До этого они оба учительствовали в МогДС: Вежек в 1786 г. был учителем информатории, а в 1789 г. преподавал поэзию, а Захаржевский в эти же годы был учителем грамматики и философии [1, с. 415]. К сожалению, после окончания учительской семинарии, вопреки желанию святителя Георгия (Конисского), оба ушли на гражданские должности [1, с. 415]. Здесь следует отметить, что до конца XVIII века семинарии сами должны были содержать студентов, продолжавших обучение в Академиях и в учительских духовных семинариях. Сколько конкретно расходовала средств для обучения одного студента в учительской семинарии МогДС, к сожалению, нам неизвестно. Мы только можем предположить, что если Владимирская, Костромская и Ярославская Семинарии расходовали в рассматриваемый период на одного своего ученика 40-60 руб. [15, с. 37] в год, то вероятнее всего, такую же сумму вносил и архиепископ Георгий (Конисский). А для средних духовных учебных заведений не легко было потратить 120 рублей на двоих студентов из общего годового оклада семинарии, равного всего двум тысячам, при том, как писалось уже выше, большинство воспитанников не возвращалось на свои учительские места из-за переводов в гражданскую службу. «Поэтому неудивительно, – делает краткий вывод Ирина Макарова, – что епархиальные власти неохотно тратили казенные средства на дальнейшее обучение своих студентов, а руководство семинарий посылало выпускников не всегда и не в надлежащем количестве» [15, с. 37-38].

Видимо по этим же причинам, владыка Георгий впредь и не отправлял выпускников МогДС на обучение в учительские Семинарии и Духовные Академии, а чаще прибегал за помощью к своим старым дружественным связям. Так он обратился за помощью к митрополиту Московскому Платону (Левшину), чтобы тот помог найти недостающего в МогДС учителя греческого языка. В ответ на эту просьбу митрополит направил к архиепископу Георгию (Конисскому) учителя греческого языка и классики Ивана Ставровского [1, с.416].

В результате, несмотря на все трудности в «приискании» владыкой Георгием достойных преподавателей для МогДС, численность преподавателей духовных семинарий постепенно увеличивалась. Данный вывод подтверждают сведения об истории МогДС в первые годы её существования, приведенные в статьях преподавателями священником Феодором Жудро, Платоном Степановичем Горючко и М. Лобовым. Так, в МогДС в 60-е гг. XVIII века трудилось всего трое (Виктор Садковский, Дмитрий Чугаевич и Иван Маркевич), а уже в 80-е гг. – десятеро (Виктор Садковский, Дмитрий Чугаевич, Иван Маркевич, Михаил Богуславский, Иван Григорович, Максим Пиючевский, Сампсон

Цветковский, Иван Горбачевский, Иван Захаржевский и Василий Вежек). В 90-е гг. насчитывалось – двадцать два (1.Винчевский Стах Григорьевич, 2.Сушинский Григорий, 3.Нестерович, 4.Лехницкий Кассиан, 5.Старинкевич Александр (КДА), 6.Скальский Иван (КДА), 7.Бронченков Павел, 8.Пригоровский Андрей (ок. МогДС, Виленскую иезуитскую академию), 9.Цветковский Сампсон (КДА), 10.Григорович Иван Кононович (КДА), 11.Максим Пиючевский, 12.Вонсевич, 13.Василевский Иосиф, 14.Михаил Богуславский (КДА), 15.Цитович Петр, 16.Бекаревич Михаил, 17.Петр Околович (СПб.учител.семинария), 18.Иером. Виктор Рашковский (КДА), 19.Тимофей Кириллович, 20.Роман Ермолович, 21.Герасим Несынович, 22.Иван Ставровский) [4, с. 433-436; 5, с. 12-30].

Приведенные данные свидетельствуют о том, что благодаря трудам и усердию владыки Георгия (Конисского) последующее требование, изложенное в 1808 году в «Докладе и начертании правил об образовании духовных училищ...» иметь 6 учителей, не только было выполнено, но и в несколько раз превышало его [6, с. 62].

Образовательный уровень преподавательских составов семинарий также не был одинаков на протяжении исследуемого периода. Из 34 человек, трудившихся в МогДС с 1760 по 1800 гг., большая часть из них имела (семинарское) образование, 12 – высшее академическое, 11 КДА и 1 Санкт-Петербургскую учительскую семинарию. Сколько учителей МогДС окончило духовное училище, неизвестно.

Таким образом, к концу XVIII века уровень образования преподавателей МогДС не опускался ниже среднего духовного, что свидетельствует об их высоком уровне профессионального образования.

Помимо профессиональных требований к кандидатам на учительство, немаловажным являлись и критерии морально-нравственного порядка. Со времен Петра I архиереям рекомендовалось приглашать в духовные школы учителей с характеристикой «умный» и «честный» [7, с. 50]. Екатерина II, продолжая традиции Духовного Регламента, желала иметь в духовных семинариях «благоразумных и благонравных проповедников для просвещения» [17, с. 73]. При Павле I семинарское руководство, опираясь на Синодский указ от 31 октября 1798 года принимало учителей «не только искусных в науках, но испытанных в добром поведении, которые бы примером своим... старались при всяком случае внушать им [семинаристам] правила благонравия» [15, с. 45].

В связи с чем, неслучайно во многих семинариях к преподавателям предъявлялось требование передать молодым воспитанникам не только накопленные знания, но и морально-нравственный опыт в лице священнослужителя или монашествующего. Видимо по этой же причине был издан указ Святейшего Синода от 1741 года, утверждавший мысль

о том, что не только в академиях, но и в епархиальных семинариях «пристойнее и весьма полезнее быть учителям из монашествующих» [16, с. 399]. Однако, на примере МогДС времен святителя Георгия (Конисского) мы можем утверждать, что указ Святейшего Синода на месте имел только рекомендательный характер, так как из 21 учителя МогДС только один был иеромонах, несколько белых священников, а остальная часть преподавателей вообще не состояли в сане. Были ли какие-нибудь проверки или экзамены для кандидатов в учительство при владыке Георгии неизвестно, но исходя из характеристик некоторых преподавателей можно сказать, что большинство из них были довольно способными и умными людьми. Так, например, Д. Р. Чугаевич охарактеризован как знаток латинских классиков и «имел смысл чистый и речь порядочную» [1, с.404], С.Г. Винчевский «довольно опытный человек» [1, с. 409], а преподаватель МогДС священник Михаил Богуславский в рапорте архиепископа Георгия (Конисского) назван и вовсе «богословом города Могилева» [1, с. 418]. Интересные сведения мы находим о преподавательской деятельности С. В. Цветковского, которым владыка Георгий был очень доволен и отмечал, что он «отправляя должность свою и отличным речением (даром красноречия – Н. В.), и учеников своих успехом, вел себя честно и добропорядочно», и заботился, «тоб он и напредь, яко человек нужный, в семинарии при прежней должности остался» [1, с. 410]. За трудолюбие, самоотверженность на ниве духовного просвещения и заслуги перед семинарией владыка Георгий даже ходатайствовал о С. В. Цветковском перед Святейшим Синодом о пожаловании ему обер-офицерского чина [1, с. 417; 3, с. 482].

Таким образом, преподаватели МогДС должны были соответствовать многочисленным требованиям нравственного, образовательного и сословного порядка. Благодаря целенаправленной политике государства по увеличению финансирования духовного образования, и улучшению подготовки и образовательного уровня преподавателей, состав увеличивался численно и улучшался качественно. Вместе с тем, следует отметить, что значительную роль в организации как внешнего, так и внутреннего строя МогДС сыграл святитель Георгий (Конисский), архиепископ Могилевский. Во многом благодаря его усердным трудам, таланту, духовно-нравственным качествам святителя была внесена новая живая струя в преподавание всех семинарских предметов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Буглаков М., священник. Преосвященный Георгий Конисский. Архиепископ Могилевский /священник М. Буглаков – Минск : «Виноград», 2000. – 656 с.

2. Вержболович, М. О. История Минской духовной семинарии / М. О. Вержболович – Минск : Типо-литография Б.Н. Соломонова. – Вып. 1: Дореформенный период. – 1893. – 196 с.
3. Горючко, П. Материалы для истории Могилевской духовной семинарии 1780-1800 / П. Горючко // МЕВ. – 1901. – № 34. – С. 481–491.
4. Горючко, П. Учителя Могилевской духовной семинарии. Биографические материалы для времени 1765-1808 гг. / П. Горючко // МЕВ. – 1903. – № 30. – С. 433–436.
5. Горючко, П. Учителя Могилевской духовной семинарии. Биографические материалы для времени 1765-1808 гг. / П. Горючко // МЕВ. – 1904. – № 1-2. – С. 12–30.
6. Доклад и начертание правил о образовании духовных училищ и содержании духовенства, при церквах служащего // Свод Уставов и проектов Уставов духовных семинарий 1808-1814, 1862, 1867, 1884 и 1896 гг. – Санкт-Петербург : Синодальная типография, 1908.
7. Духовный регламент всепресветлейшаго, державнейшаго государя Петра Перваго, императора и самодержца всероссийскаго. – Москва : Синодальная типография, 1904.
8. Жудро, Ф. Основание и первые годы Могилевской духовной семинарии (1757-1800 гг.) / Ф. Жудро // МЕВ. – 1893. – № 6. – С. 118–122.
9. Лобов, М. История Могилевской духовной семинарии за первый период ея существования (1759-1814 гг.) / М. Лобов // МЕВ. – 1896. – № 17. – С. 320–323.
10. Лобов, М. История Могилевской духовной семинарии за первый период ея существования (1759-1814 гг.) / М. Лобов // МЕВ. – 1896. – № 18. – С. 327–331.
11. Лобов, М. История Могилевской духовной семинарии за первый период ея существования (1759-1814 гг.) / М. Лобов // МЕВ. – 1896. – № 19-20. – С. 354–360.
12. Лобов, М. История Могилевской духовной семинарии за первый период ея существования (1759-1814 гг.) / М. Лобов // МЕВ. – 1896. – № 21. – С. 391–394.
13. Лобов, М. История Могилевской духовной семинарии за первый период ея существования (1759-1814 гг.) / М. Лобов // МЕВ. – 1896. – № 22. – С. 411–419.
14. Лобов, М. История Могилевской духовной семинарии за первый период ея существования (1759-1814 гг.) / М. Лобов // МЕВ. – 1896. – № 24. – С. 443–455.

15. Макарова, И. Деятельность преподавателей духовных семинарий Владимирской, Костромской и Ярославской губерний. 60-е годы XVIII — первая четверть XIX вв. : дис. ... канд. ист. наук / И. Макарова – Иваново, 2005. – 188 с.
16. Полное собрание законов Российской Империи : в 45 т.— Санкт-Петербург : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1649-1825. – Т. XI. - 991 с.
17. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской Империи. – Санкт-Петербург : Синодальная типография, 1869-1911. – Т. 1. : Царствование государыни императрицы Екатерины II. 1762 - 1772. – 1910. – 646 с.
18. Смолич, И.К. История Русской Церкви: в 9 кн. / И.К. Смолич – Москва : Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994–1997. – Кн. 8 : История Русской Церкви (1700-1917): в 2-х частях. – Ч.1. – 1996. – 799 с.
19. Чистович, И. А. История Санкт-Петербургской Духовной Академии / И. А. Чистович – Санкт-Петербург : Типография Якова Трея, 1857. – 472 с.